

Дмитрий Клёстов

В родном
дому

С
Т
И
Х
О
Т
В
О
Р
Е
Н
И
Я

К 70-летию Кемеровской области,
моим землякам посвящается

Дмитрий КЛЕСТОВ

В родном доме

Стихотворения

Кемерово
«Офсет»
2012

ББК 84Р7-5
К48

Клёстов Д.

К48 В родном доме: стихотворения / Д. Клёстов. – Кемерово:
ООО ПК «Офсет», 2012. – 96 с.

ISBN 5-85119-075-2

ББК 84Р7-5

ISBN 5-85119-075-2

© Клёстов Д., 2012
© ООО ПК «Офсет», 2012

Шахта, шахта, малая отчизна...

Помню всегдашний упрёк поэтам Кузбасса, мол, живём в индустриальном крае, а вы пишете о природе, о любви, берёзках и цветочках. Где стихи о героической профессии, о шахтёрах? И действительно, отчасти вопрос и упрёк были справедливы. Но всё это происходило, по-моему, потому что настоящие поэты, а они всегда были в нашем крае, не могут писать о том, что не знают, или, зная, – неправду. Это проезжему или недоехавшему поэту из Москвы можно было бросить что-нибудь «нетленное» типа: «Через четыре года / Здесь будет городсад!» Или совсем надуманное, как про детей в песочнице (о шахтёрах): «Порой копаться в собственной душе / Мы забываем, роясь в антраците». И пошли-поехали строчки письменно и песенно колесить по стране.

«Нравственность есть правда», – сказал наш современник, сибиряк, имея ввиду и то, что писатель, поэт должен отвечать за написанное.

В нашем шахтёрском крае появились и окрепли словом поэты-шахтёры: Дмитрий Клёстов, Николай Бацевич, Александр Курицын. Причастность к делу, превратившаяся в родство, даёт им право говорить открыто, с выстраданным знанием – с гордостью и горечью о шахтёрском труде.

Знаю, Дмитрий Клёстов шёл к этой книге стихотворений (а их у него несколько) далеко не прямым и торным путём. Полнота жизни захлёстывала отзывчивый его талант. И нужно было время, чтобы наметился основной

вектор в его поэзии – шахтёрский. Но не подумайте, что я восхищаюсь узким специалистом, посвятившим себя целиком написанию стихов на заданную тему, а узкая специализация сейчас приветствуется – можно больше заработать. Просто, о чём бы ни писал поэт Д. Клёстов, работая в шахте или выйдя на пенсию, рубя баньку или часовенку в тайге, он остаётся

шахтёром, современником, закваска такая.

Мы в старую шахту пробилась забоем.

Бабахнули взрывом над вечным покоем.

Оказывается, «здесь золото рыли мятежные предки». Вот тесный штрек, вот тяжеленная тачка. Но концовка стихотворения высвечивает, как во мраке, горькую нашу историю:

Балда деревянная, цепи, колодки,

А всё остальное, как в нашей проходке.

А это уже наши дни, и опять они почему-то не слаще:

Горловина смердящего кратера,

Иступленно разинутый зев.

А над ним – нелюбовь Богоматери

И Всевышнего истовый гнев.

Или:

Камыш и осока и бледный тальник,

Фабричные грязные стоки...

А я не волнуюсь, я как-то привык

К иронии жизни жестокой.

Другие ипостаси лирического героя, но тоже связанные с землёй, земные, насущные:

Я копаю колодец насущный

С недокучливой песней щегла.

И в другом стихотворении как продолжение, как подтверждение кредо:

Баньки русские рублю.

Для благого омовения

Нашей русской голытьбы.

И горжусь до умиления

Даром плотницкой судьбы.

И кто ему запретит сказать правду, выстраданную, как подземный стаж, не только для пенсии.

Ущелье. Фабрика. И пруд.

Рудой гружённые составы.

И в шахту, словно в пасть удава,

Шахтёры медленно идут.

Но и:

Шахта, шахта, малая отчизна,

Вечный зов в чистилище твоё.

Все теперь наперебой цитируют: «Когда б вы знали, из какого сора, растут стихи, не ведая стыда...» Но давайте не забывать, что стихи также растут из ощущения нужности труда – для продолжения рода, искренности молитвы. Труда, который отодвигается «сором» всё дальше и дальше.

А «сор» становится всё воинственнее и воинственнее. И слава Богу, что поэту Дмитрию Клёстову из старинного сибирского города Гурьевска хватает мужества сказать своё слово.

Восходя на седьмое небо,
Крылья чуяли за спиной.
Всё! Я в небе ни разу не был,
Навсегда улетев в забой.

Сергей Донбай

Баллада про старую шахту

Мы в старую шахту пробились забоем
Бабахнули взрывом над вечным покоем,

Разбойное эхо ответило глухо
Величием гордого русского духа.

Где золото рыли мятежные предки,
Мы ставим стопами узорные метки.

Своими руками ощупали крепи,
Своими сердцами почуяли трепет,

По тесному штреку прошлись раскорячкой,
Померялись силой с демидовской тачкой.

На тачке нескромная чья-то гравюра,
Написано вязью: «Работай, ты-дура!»

Балда деревянная, цепи, колодки,
А всё остальное, как в нашей проходке.

* * *

Неуютно душе в остывающем теле
И покинуть его не приспело пока:
От младенческой зыбки к покойницкой келье
Чабрецом путь усеян и тёрном греха.

Не взывал человеке ни к чёрту, ни к богу,
Правду-матку рубил, не скопил ни гроша.
Может быть, оттого пред небесным чертогом
Оробела душа, растерялась душа.

Он работу любил, и работал сгорая,
Он познал подземелий грохочущий смрад.
На Российской земле ему не было рая,
Неужели теперь уготовано – в ад?..

Нищий

Никогда ни любовь, ни злобу,
Не выплёскивал на изгоев:
Нас испытывало на пробу
Подземелье крутых забоев.

Сколько их, что с тупым усердьем
На подмостках шального века
Спекулирует милосердьем
Православного человека.

Тщетно силюсь из-под лохмотьев
Речь живительную послушать,
За ничтожной вонючей плотью
Угадать я стараюсь душу.

И брезгливо бросаю деньги,
Сам доволен самим собою,
Вон тому, что похожий тенью
На товарища по забую.

Заговаривать с ним по фене,
Или дружески мне постыдно,
Хотя вижу, что не мошенник,
А такой же рабочий, быдло.

Но одиножды, словно другу,
Как с похмелья или спросонья,
Я подал ему просто руку
Растопыренною ладонью.

Он пожал её без эмоций,
Лишь в глазах его отблеск хитрый
Прорябил как в гнилом болотце
И сказал он: «Спасибо, Дмитрий».

Ручей Талда

Ручей красив самим собой,
Черемушником, ивняком.
Мой первый угольный забой
Был там под светлым бережком.

Неугомонный, всякий раз
С напором снеговой воды
Вскрывал всё новые для нас
Свои горючие пласты.

Берите, зяблики. Бери,
Честной и праведный народ.
Мы загружали пестери,
Нося кошелки через брод.

Смекалистая детвора
Кайлила уголёк, брала.
Дымили печи до утра
В халупах нашего села.

Памяти погибших шахтеров

Я лежу в саркофаге,
Как бухарский эмир.
Жизни реющий факел
Весь рассыпался вмиг.

Как бухарским эмирам,
Мне оказана честь:
Бальзамирован взрывом
Весь до капельки. Весь.

И вспорхнуть не успела,
И уйти не ушла,
Замурована с телом
Молодая душа.

Газом выжжены очи.
Только я не ослеп.
Сотни тысяч рабочих
Этот строили склеп.

Бриллиантами пота,
Позолотой крови
Подземельные своды
Украшали они.

Пусть родные не ропшут,
Не скупают обо мне,
Что лежат мои мощи
На такой глубине,

Что далёким потомкам
Саркофага не вскрыть.
Лишь в грядущем потоке
Этим косточкам всплыть.

Работу любую не хаю,
Работа любая – не зря.
Шахтёрка моя полыхает,
Как яркий наряд снегиря.

Осколком горячего лета,
Горячим его лоскутом,
Порода пурпурного цвета
Вдруг вышла в забое моём.

Давно прошлогодние травы
Сокрыл ослепительный снег,
А я из расщелины кровавый
К биндюжке печатаю след.

Мне скажут: «Безрудное тело,
Ущербные эти места.
Здесь нечего, нечего делать,
Порода, как бочка, пуста».

Но что-то под ложечкой гложет,
И душу мне думы гнетут,
Как будто бы я растревожил
Земли кровеносный сосуд...

Руки

Нередко я руки теряю,
Как-будто и не было их:
Ладоней шершаво-корявых
И пальцев избито-кривых.

Чужие – по самые плечи:
Ни болей, ни судорог нет.
За что меня, кто покалечил
В расцвете задористых лет?

Какой суеверный фанатик
Загребы мои уволок?
Наверно, породу лопатит,
Наверно, крушит уголёк,

А может таинственным сводом
Красивые крыши вершит...
«Опять ты раскинул колоды», –
Жена среди ночи ворчит.

Сирены

О, как пронзительны сирены
Горноспасательных взводов,
Когда восток слегка сереет,
А на столе в цветках сирени
Остывший ужин горняков.

Машины с красными крестами,
Кому вещаете беду?..
Жена с постели тихо встанет
И молча приберёт еду.

Давно забытые молитвы
Опять сегодня вспомнит мать,
И сыновей, как с поля битвы,
Из шахты будет поджидать.

* * *

Ущелье. Фабрика. И пруд.
Годами выжженные склоны.
Рудой гружённые вагоны
Из шахты медленно ползут.

Осенним воздухом дыша,
Я там искал уединенья.
Вдруг окровавилась душа
От справедливого сравненья:

Ущелье. Фабрика. И пруд.
Рудой гружённые составы.
И в шахту, словно в пасть удава,
Шахтёры медленно идут.

Опахнёт груздѣвым сентябрѣм,
Нивой жжёной в воздухе запахнет...
Мне случалось быть поводырѣм
Лошади, состарившейся в шахте.

Умные, огромные глаза,–
Понимаешь сердцем – неживые,
Торба полотняная овса
На согбенной, в ржавых струпьях, выс.

Трапезу последнего пайка
Смаковать была лошадка вправо,
А затем купать свои бока
В чистой малахитовой отаве.
Что-то я фальшивое, свистал,
Провожая к дальнему околку,
Чтоб никто ни палки, ни хлыста
Не поднял на старую шахтѣрку.

Советская фазанка

На работу идут гроботёсы
В шепелявых зубах папиросы.

Вороватыми смотрят глазами –
Топорки у них за поясами.

С Волги-матушки, тихого Дона
Безотцовщина, да из детдома.

Государственные фуфайки –
ФЗУшники это, хобзайки.

Присмотрела Отчизна, пригрела
Для насущного, общего дела.

Есть жильё и кормежка от пуза
И великая стройка Союза.

Подражание Лермонтову

Мрачная дорога
На рассвете дня.
Стволовой, немного
Подожди меня.
Подожди, братишка,
В колокол не бей:
Над копровой вышкой
Стая голубей.

* * *

То земельку, то глину, то щебень
Я лопатой беру штыковой,
Мне щегол недокучливый щебет
Проронит мимолётно порой,

Да мои завсегдатаи – други
Незловиво схохмят иногда;
Мол единственный дурень в округе
Разве в сопке бывает вода?

Пусть злословит народ вездесущий,
Я то знаю, земелька не зла,
И копаю колодец насущный
С недокучливой песней щегла.

Хозяин шахты

Антрацит шахтёрского мундира
Выгорел и выцвел, и усох.
И хозяин шахты Салаира
Реже всё является врасплох.

Мне в горниле каменного грота
И за каждым выступом впотьмах
С юных лет внушал он отчего-то
Мужество и неподдельный страх.

Он забавой озорного друга
Мог перед лицом обрушить свод.
И смеялся, коли жар испуга
Мне мозги усталые сведёт.

Сам я в шахте, как на поле битвы,
Доблестно в ответ благодарил,
Ублажая слух его молитвой
Или чёрным матом костерил.

Я душою старого шахтёра
Не постиг негаданных затей:
Мудрого и глупого отбора
И карать, и миловать людей.

Черта

Я пешочком прошёл
Предначертанный путь,
За черту горизонта
Стараясь шагнуть.
Но маячила мне роковая мечта:
Горемычная шахта
В посёлке Черта.

Подземельное кредо.
Глубинный Парнас.
Факел жизни моей
Возгорался и гас.
Лез я в самое пекло,
Других наперед.
Только в царстве Аида
Особый отсчёт.

Мне в забое нудил
Вопиющего глас,
Что мой корень –
Спрессованный угольный пласт.
А взрывная, горючая
Сила пласта –
Это крона моя,
Вековая листва.

Не приемлет пока
Молодая душа
Стариковские вопли
И скулежа.
Я ведь пестовал сам
Гольтьбу – бедноту.
Вот и вышвырнут ныне
За эту черту.

Шахта «Слепая»

Она обижена судьбой:
Служить в сырой земле.
И обзывать её слепой
Позволено молве.

Она состарилась впотьмах
За много-много лет,
И не способна как-никак
Восславить божий свет.

Сиянье Млечного пути
И утренней зари
В ней имитируют, поди,
Скупые фонари.

Вечерний клекот пустельги
И ветер грозовой,
И благовоние тайги
Я привношу в забой.

За трудный опыт горняка,
За радость хлебных дней
Я канонадой взрывника
Отсалютую ей.

А за колониальный гнёт,
За много-много лет
Она единожды рванёт
На весь на белый свет.

* * *

Я не знаю другого ландшафта,
Чтоб увидел – и горе с плеч.
Шахта, шахта! Родная шахта!
Чем могла ты меня завлечь?

Террикон огоньком манящим
Среди чёрной сияет тьмы,
Словно бы на вулкан дымящий
По нему восходили мы.

Восходя на седьмое небо,
Крылья чуяли за спиной.
Всё! Я в небе ни разу не был,
Навсегда улетев в забой.

Где бы якорь мне свой ни кинуть,
Где бы свой ни оставить след,
Опрокидываются скипы
Дивной музыкой юных лет.

Салаир

Городок на крутых холмах,
На семи продувных ветрах,
Словно белый большой фрегат,
Поднялся над таёжной чернью.
Алой зорькой копры горят
В зорьке утренней и вечерней.

В каждой сопке хранится миф
Невостпетых сибирских Фив.
Он судьбою своей сродни
Жизни славного Прометея.
Он в Кузбассе зажѐг огни,
Плавку первую он затеял.

Ты поведай старинный тракт,
Буйство бедных, богатых страх.
Клокотавшая в жилах предков
Та ли удаль в моей крови?
А в глазах у моей соседки
Те ли нежность и жар любви?

Тракт старинный и глух, и нем,
Он бурьяном зарос совсем.
Ветер соснам шиньоны чешет —
Сказки те же, и люди те же.

Рудник

Свинцово-цинковый рудник
Над всеми высится свинцово.
Домишко к домику приник –
Один к фундаменту другого...

Я не цветочную пыльцу
Глотал в забоях раз за разом;
Ему, как крестному отцу
Ничем я в жизни не обязан.

Он тоже не обязан мне
Своим отеческим вниманьем.
Он в чередѣ голодных дней
Нас многих принял на закланье.

Из сонма дьявольских наград
Дарил направо и налево
Моим друзьям и всем подряд
Своѣ чахоточное чрево.

* * *

Я пас коров в березняке,
В крушинном логое.
Я ноги грел в коровяке,
Босые ноги.

В грозу от хлётского дождя,
Стального града
Меня, как юного вождя,
Спасало стадо.

Бурёнки, жертвуя собой,
Они, скотины,
Смыкали дружно надо мной
Рога и спины.

Грозой омытый березняк
Был чист и ясен.
Не обзывал я их никак
И не дубасил.

* * *

Мороз и морок в кратере карьера,
Огонь и дым над контуром холма.
Стоит шандинка старая, сама
Своим глазам слезящимся не веря.

Давно ли белый бархат ковыля
Её ласкал в поскотине аула?
Её земля, прапращуров земля,
Весь день гудит от яростного гула.

«Шайтан, шайтан», – скривляются уста,
Когда «Белаз» обрызгивает смрадом.
Любимые, родимые места
Как будто чёрным выхлестало градом.

Кожух расписан вязью непростой,
Лоснятся полы, рукава лоснятся.
Будь проклят тот, кто предал край родной
За дробовик и порох рудознатца.

Иссяк родник и пересох ручей
С такой прозрачной, ключевой водою.
Чужие кони, табуны коней
Бегут, сшибаясь, к бензопояю.

Бачатский разрез

(Нашим детям уготовано счастливое будущее.)

Советский лозунг

Горловина смердящего кратера,
Иступленно разинутый зев.
А над ним – нелюбовь богоматери
И всевышнего истовый гнев.

Сколько силушки русской потрачено
На бесметные тонны угля.
И стоят по буграм автоматчики –
Беспардонные слуги жулья.

Вроде бы не работал с прохладцею
И не клял человеческий род,
Уготованная резервация
Ждет доверчивый русский народ.

Мама охраняла нефтебазу

От жары нет никого спасу,
Холодно – и тоже нет житья...
Мама охраняла нефтебазу,
Подменял её частенько я.

Ни на чью подмогу не надейся
Беспросветной осенью в ночи,
Лишь в кусок подвешенного рельса –
Если что – стучи себе, стучи.

Обходил свой пост наполовину,
Шевеля калошами едва.
Но в лихую, черную годину
Не было в России воровства.

Мог зато утрами возгордиться
Перед ребятишками села:
Будто бы советская граница
Там, за нефтебазой, пролегла.

На сплаву

Бурлит и клокочет таёжный поток,
Резвится и кружится в заводи вешней.
Я клоун, мальчишка, я просто игрок
В работе горячей, отчаянной, спешной.

Ослизлые бревна – живые тела –
Вскипают и дыбятся в тесном заторе.
Азарт и бравада. Была ни была –
Фатальная пуля в ружейном затворе.

Осечка, промашка и жабам на дно
Утащат вериги – тяжелые бродни.
В лесную деревню прибудет кино,
И спирт настоящий прибудет сегодня.

Девчат-скороспелок примчится гурьба
Из дальних и ближних таёжных заимок.
И первой любовью ошпарит судьба
В порочно-пристойном кругу вечеринок.

В брезентовом фраке, с багром на плече
Явлюсь я в деревню пред милые очи,
Напыщенный удалью русских мужей
И силой и славой рабочей.

* * *

Обильные, размашистые вьюги
Легли лебяжьим пухом в тополя.
Красивые, улыбчивые други
Из чёрных рамок смотрят на меня.

В эпоху знаменитых пятилеток
Из них по праву каждый знаменит.
Забой последний пройден, напоследок
Землёй и снегом ласково укрыт.

Мои друзья, как в раскомандировке,
Сошлись рабочей силой поиграть.
И наплевать друзьям на забастовки,
На власть блатную тоже начихать.

До лампочки и гибнущее втуне
Чохоточное чрево рудников.
Они сошлись, как будто накануне
Собрания былинных горняков.

Старый плотник

Он приходит сюда
По какой-то неведомой тяге
И часами, как мальчик,
Стоит у витрин.
Он давно изучил
В нашем сельском хозмаге
Ширпотребную утварь
Этот странный старик.
Он берёт оселок
И шершавую каменной плотью
По шершавой щеке
Сам себе проведёт.
Он берёт долото
И, забывчивый плотник,
Остриё долота
Языком по старинке лизнёт.
Он тисочки возьмёт,
Он подержит электрофуганок:
– Лепота, лепота! –
Покачает седой головой.
– Сколько светлых домов,
Теремов несказанных
На родимой земле
Не построено мной!

Он приходит сюда,
Как к любимой своей на свиданье,
Будоражит его
Изобильная явь.
Что для всех – ширпотреб,
Для него состоянье...
Не гони, продавец,
Старику эту радость оставь!

Тётя Нюра

Молчаливые с лесоповала,
По таёжным канонам – гуськом,
Впереди Тётя Нюра шагала,
Издеваясь над каждым сучком:

Т. Н. Ах, сучок – мужичок,
Бабе вперился в бочок,
Вот уж я тебя, тварь подколодная,
Я бабёночка не-е-голодная.

И подрубленный сук что болванчик,
Нашей женщины падал к ногам.
Догадались мы Ванька – обманщик,
Это он получил по зубам.

Т. Н. Председатель – паразит,
Твоё пузо бороздит
По траве и по земле,
Надоел, паскуда, мне.

Помешал на зелёной тропинке
Любопытный сухой борщевик;
Взмах руки – семена из корзинки
По тропинке рассыпались вмиг.

Т. Н. Ах, пучка – сердючка,
Дебелая,
Далека ещё получка,
А ты – перезрелая.

Повторял про себя или шёпотом
Тётей Ньюрой придуманный сказ;
Чаще дрыгались мокрые чёботы,
Чтобы броситься в ухарский пляс.

Т. Н. Ты, дубинушка, стоеросовая,
Не слиняешь от меня –
Я не бросовая.

Две осинки – смердинки-жердинки
С бережка на другой бережок
Перекинула, как на картинке,
Над ручьём появился мосток.

Т. Н. Если хочешь повидаться,
Приходи на наш мосток,
Приноси буханку хлеба
И картошки котелок.

О бессмертии дальнего друга
Попрошайничал часто язык.
Вдруг! С непрошеной нотой испуга
Бабий голос сорвался на крик.

Т. Н. Балабольте, ребяёшки,
Да притопывая,
Пусть медведь с дороги нашей
Улепётывает!

Под напором могучего зверя,
Удаляясь, валежник хрустел.
В очень близкое счастье поверить
Я пытался. Я очень хотел.

Черёмуха

Отсеяли поздние грозы
Озимые ливни свои.
Черёмуха спелые гроздя
Склонила до самой земли.

Щадя её хрупкие корни
И гибкие ветви храня,
Мы шурф чуть поодаль, под горкой,
В породе сырой и прогорклой,
Как роботы, рыли три дня.

Мы сладкую ягоду ели,
Чернявя здоровые рты,
Слетались сюда свиристели,
Здесь часто кормились дрозды.

И выводок рябчиков тучных
Нас посвистом смелым дразнил.
И вроде работалось лучше,
И вроде прибавилось сил.

Большая Толмовая

Брожу, удивляюсь: фантазия чья?

Шамана,

шута,

скомороха? –

Серебряной нитке лесного ручья

Огромное имя отгрохать.

Знать, кто-то ценил драгоценный исток,

Мечом рассекающий горы.

В раскосых глазах его тѣк ручеёк

До самого синего моря.

Сквозь призму его бескорыстной любви

И сквозь паутину сомнений,

Как в главную реку, впадали ручьи

И реки других поселений.

Он не был провидцем, кто в этот родник

Как в реку большую поверил.

Но первая шахта и первый рудник

Освоили каменный берег.

Ступили на берег началом начал

Всего Салаирского края...

И зверь вымирает, и лес обнищал,

И чахнет река Толмовая.

Камыш и осока и бледный тальник,
Фабричные грязные стоки...

А я не волнуюсь, я как-то привык
К иронии жизни жестокой.

Хотя временами и тяжело смотреть,
Что давший начало – обязан хиреть.

Катакомбы, каменные гроты.
Избранный великодушно путь.
Все мои пещерные заботы –
Перемочь и выжить как-нибудь.

Гарцевал я и молился богу,
Поклонялся идолам чужим,
Откровенно мчался на подмогу
Бедным сотоварищам моим.

В мире нет и не было послушной
Русского наивного раба.
На советской столбовой конюшне
Распахнула форточку судьба.

И опять – нечистому, на откуп,
Чтобы мой неискушенный друг
Девками продажными и водкой
Ублажал непокоренный дух.

И самодовольно правил тризну,
Проклиная скудное житьё.
Шахта, шахта, малая отчизна,
Вечный зов в чистилище её.

В шахтёрской бане

Манька! Глянь-ка! По-моему, тать,
Подбоченясь стоит на пороге...
Девки-бабы, туды вашу мать,
Кто сегодня мне вымоет ноги!?

Он идёт плотоядным прыщом
И своей мелкотой гордится,
Кошка ловко играет с мышом
В худосочных его ягодицах.

На груди его храм, купола
Под коростю угольной пыли,
Что за сила его привела
На шахтёрские копи Сибири.

По простецкому, кажется прост,
Никогда незнававший печали,
Дважды удаль и маленький рост
Из завала его выручали.

Подыграет Марейка: пойдём
Не таковских я видела, парень
Но мыша твоего кипятком
Я сперва понарошку ошпарю.

В шурфе

Опять тупое онемение
Мозги усталые сведёт,
Хотя никто меня, как мерина,
Не подгоняет и не бьёт.

Невольный мат из глотки вылетит,
И, чтоб избавила тоска,
Моя рука возьмёт и вылепит
Из белой глины петушка.

Бесхитростное изваяние
Я поднесу к губам своим,
Земли почувствую дыхание
Повеет давним и родным.

Живи, наивная затея!
Игрушку ставлю на бадью.
Напарник мой лицом светлеет,
Увидев выдумку мою.

Взрывник

Торопясь и не трусливой прытью
Я шагаю к доброму укрытию.

Позади, в расщелине породной
Полыхает шнур огнепроводный.

Искрами всё ближе к аммоналу,
Жахнет вдруг! – скалы, как не бывало.

Станет в небе облако метаться,
И земля и воздух колыхаться,

Сверху падать острые каменя
За мои лихие прегрешенья.

Но меня, как друга – ротозея
Смерч взрывной по капле не рассеет.

Не хочу я быть распятым взрывом:
На лугу до одури красивом.

Горноспасатели

Под землёй бушевала стихия
У себя на большой глубине,
Клокотала, и нам не впервые
Быть, работать и выжить в огне.

Никого не клеймили проклятьем
Уходящие в тартарары...
Вы простите любимые братья
Если вас называли жмуры.

За чужие грехи беспокоясь,
В этом мире вселенского зла
Лишь одна христианская совесть
Нас по огненным штрекам вела.

Ничего не страшась и с опаской:
Никуда не уйти от судьбы.
От того лишь не плавилась каски,
Что мокрущими были чубы.

И вошли мои верные друзья
В этот самый крошечный бедлам
И уже обгоревшие трупы
Удалось как-то вызволить нам.

Осторожно к ступеньке ступенька
За оскал неминуемой беды,
Вдруг в крутой вертикали гезенка
Нас настигла стихия воды.

Мокрый волос взъерошивал дыбом
В мозг и в душу вползающий страх
И, казалось отравленный дымом
Смост к чёртовой матери прах.

Водопада бурлящая кипень
И нельзя возвратиться назад,
Из погибели снова погибель
Из чистилища адского в ад.

Но какая-то крёстная сила
Или может молитвы святых
Православные трупы омыла
И опять окрестила живых.

* * *

Коль вздохнёт под тобою земля,
На окне всколыхнутся шторы,
Не волнуйся, родная моя,
Под землёй говорят шахтёры.

Им приходится в тёмных мирах
С подземельной упрямой свитой
Разговаривать на матерках,
Подкрепляя речь аммонитом.

Буровая

Взметнулась в небо вышка буровая.
Стальные трубы в глубину ушли.
Друзья меня помбуром величают,
А я посредник неба и земли.

Земную твердь окидывая взором,
Я вижу в недрах залежи свинца.
А лампочки, взбегая по опорам,
Горят в ночи созвездием Тельца.

Алмазный зуб вгрызается в забой,
Земная твердь упорна и тверда!
И в скважину, пробуренную мною,
Глядит заочарованно звезда.

В родном дому
Присяду на порожек.
Голландка-печь –
Немеркнувший очаг –
Вдыхает мой дымок
От папиросок,
Как будто тоже
Курит невзятяг.

В сѣ груди
Потрескивают угли
Моим беспечным думкам
В унисон.
Как будто бы
Сошлись друзья, подруги
Далёких светлопамятных
Времён.

Ведут неторопливую
Беседу,
Верша свои чистилища
И суд.
Им похвались,
На жизнь свою посетуй,
Они – друзья,
Они меня поймут.

И, верно, скажут:
Хватит куролесить,
Не мальчик ведь
Могаться тут и там.
Из дюжины
Недюжинных профессий
Ты выбери поближе
К дому, к нам.

Душа моя котёнком
Разморится
У милого, родного
Очага.
А завтра старший
Мастер постучится
И... укачу я
В белые снега.

Я гражданский мужик.
И профессия штатская.
В обиходе моём
Ни ружья ни клинка.
Но совсем не чужда
Мне закваска солдатская
И понятен азарт
Рядового стрелка.

Я в строю полковом
Грудь запомнил четвертого.
Вынос знамени –
Самый святой ритуал.
Забывали друзья
Про мозоли натертые
И чеканили шаг
Так, что дух замирал.

На гвардейском плацу
Мне команда державная «Смирно!»
Усмирила надолго
Крестьянскую плоть.
На весёлом пиру
И в трагедии мирной
Я не стану бузить
И горячку пороть.

Не приемлет душа
Безделушное «Вольно»,
Не дает расслабухи
Солдатская честь.
Я тащу свою лямку,
Как бы ни было
Тяжко и больно.
Присягнул я Отчизне
Словом праведным «Есть».

Взыграла опять надолго
Во мне молодая сила:
Меня телеутка Ольга
Плотничать пригласила.

Крутится баба белкой
С умыслом и со смыслом:
Спутниковая «тарелка»
Над домом её зависла.

Мобильник пищит в кармане,
Модная сигарета...
Стало ей тесно в бане,
Срубленной при Советах.

Женщину и в Союзе
Горки не укатали –
Глянется ей джакузи –
Баба при капитале.

Дед

Расторопно работает,
Скоренько,
В меру крепеньких
Старческих сил.
Он топориком
Правит задоринки,
Что фуганком внучок натворил.

* * *

Иду проворно, ветер в грудь,
Распахнутую настежь.
Навстречу мне дома бегут,
Дома кулацкой масти.

На свежеиспечённый сруб
Четыре жлоба через пуп
Вздывают балку-матицу,
Подымут и... попятятся.

Хозяин, сволочной мужик,
Мне: «Подсоби, милейший!»
Я стукнул пальцем о кадык:
Мол, помогу, конечно.

Я в этом деле знаю толк:
Хозяина – под комелёк,
Кто слабый – под вершину,
Кто хитрый – в середину.

И получаса не прошло,
Ложится матица в седло.
Отныне и до веку –
Опора человеку!

«Ну, что ж, милейший,
Будь здоров!»,
И десять медных пятаков
Он подаёт рукою,
Мохнатою такою.

Чтоб в доме множилось добро
Кладут под матку серебро.
А медь?
Я брошу медь в могилу
Твою, хозяин милый.

Королевские харчи,
Президентская карьера...
Скороходы – кирзачи
Сорок пятого размера!

Хочешь – топай, хочешь – стой.
Не похвалит, не осудит
Старший мастер буровой –
Он за сорок вёрст отсюда.

И за сорок вёрст жена.
Верно, думает, что дура,
Коли вышла за помбура –
Всё одна, одна, одна,
А на улице весна!

А на улице весна!
Мчатся вешние потоки,
Бьют живительные соки
В тополях, в берёзах, в нас.

Гомон призраков лесных
Всласть смакуй и вдоволь слушай,
Претенденток никаких
На мою бродяжью душу.

Тонут в лужах кирзачи
Сорок пятого размера.
Президентская карьера,
Королевские харчи!

Печник Якунин

Якунин – мудрый повелитель
Неукротимого огня.
Друзья, соседи! Посмотрите,
Какая печка у меня!

Лукаво мудрствовал с духовкой –
Ни уровня, ни уголка –
Всё на глазок! Взлетает ловко
Руке послушная кирка.

За рядом ряд, за лабиринтом
Ложится новый лабиринт.
Спросил его я: «Возгорится?» –
«Работать будет», – говорит.

Возжёт! И радостные блики
Его окрасили ладонь,
И заработал стоязыкий
В печи берёзовый огонь!

Санитарная рубка

Санитарная рубка в тиши
Беззащитного бора,
Санитарная рубка – афера
Низкопробной корявой души.

Мы нечаянно. Мы за чай
Корабельные сосенки пилим
Могутным оборотистым «Штилем»
Прямиком в ненасытный Китай.

Наш кондовый, реликтовый лес
Оборотистый Ванька спровадит,
Сам на полном скаку пересекает
В бронированный Мерседес.

Смажет Ваньку, как некую тлю
Бронебойная пуля-голубка...
Чу! Идёт санитарная рубка
В милосердном тишайшем краю.

* * *

Я татарке построил дом.
Обманула меня татарка.
Полыхала усадьба ярко
Озорным голубым огнём.

На Циклопа хребтину гнул.
Надо мной хохотали урки.
Ночь бессонную – не одну
Собирали его хирурги.

Обустроивал кров попа
Бог подаст, – улыбнулся отче
То ли вор, то ли свора волчья
Съели в стайке его быка.

Добрый ангел-хранитель мой,
Твой удар и жесток и жёсткий:
Эти хамы прощёны мной,
А казнишь ты их, как Дубровский.

Моя муза

Ты пришла новолунием в полночь
И застала меня в кровати,
И сказала мне: «Милый, полно,
Не гони меня бога ради».

Говорю, размсжая веки,
Говорю я, сжимая боль:
Завтра мне опускаться в штреки,
Завтра мне цикловать забой.

Мне к стихам никакого дела,
От злословия я устал:
Жизнь шальная подшевела,
Хлеб насыщенный подорожал.

* * *

В умирающем городке
На корню засыхают злаки,
На асфальтовом пяточке
Попрошайничают собаки.

На карнизах подтёки краски
Обесцвечены жизнью сей,
Строить рожицы, строить глазки
Там учили своих детей.

В хаотическом беспорядке
Утварь брошенная в кусты,
И крапивой тучнеют грядки,
Где вольготно цвели цветы.

* * *

В апогее кромешного гнуса
Спеет жаркое лето в тайге.
Я на милую землю вернулся,
Из житейского выйдя пике.

Эти руки и жадно, и споро
Раскряжут седые стволы.
Запевалою птичьего хора
Станет «вжик» искромётной пилы.

Добрый промысел божьему ровня,
Храму вечному – верной сестрой,
Милосердно воспрянет часовня
Над сибирской угрюмой тайгой.

* * *

Мне бы выстроить храм
На таёжной елани:
Нараспашку ветрам
И звериным желаньям,
И потугам людским-
Человеком остаться,
Чтоб от чёрной тоски
На суку не болтаться.

Чтоб росли купола –
Кедру старому вровень,
Чтоб молитва плыла
Мне по духу и крови,
Чтоб жестокой судьбы
Стёрлись жёсткие грани,
Да мешает мне «бы»
Строить храм на елани.

Приходи на стройку

Приходи ко мне на стройку ночью,
Приготовил я тебе подарок:
Звёзды нашей улицы рабочей,
Яркий фейерверк электросварок.

Приходи, тебе подъёмным краном
Месяца кольцо смогу достать я,
И лоскут вечернего тумана
Оторвать на свадебное платье.

Приходи, мой адрес недалёкий:
С плотницкой бригадой – в поднебесье,
Где ложатся блоки, словно строки,
В дом большущий – в радостную песню.

Приходи ко мне на стройку ночью,
Подымайся на крутое зданье
И любуйся до утра, воочию
Этой ночью – ночью созиданья.

Состав

Мчатся яростные кони,
Тяжело храпя во мгле.
Бьют чугунные подковы
По окованной земле.

Друг за другом дробной рысью.
Эх! Отчаянная рысь!
В темноте с морозной высью
Гривы чёрные сплелись.

Клубы пара, пыли клубы
От горячих лошадей.
И кричат надсадно трубы
Над округою моей.

Я стою замороженный,
Быль за сказку восприняв,
Вижу снегом обелённый
В зиму мчащийся состав.

Лезхозовский балок –
Таёжная избушка,
Залётный мужичок
У нас на побегушках.

– Савелий, поднеси!
– Сгоняй-ка по дровишки!
Откуда на Руси
Беспечные людишки?

Он хвалится: в НИИ
Был первым инженером.
Никто ему – ни-ни –
На этот счёт не верит.

И вроде не балбес,
Но и, увы, не пахарь.
А наш сибирский лес
Не бублики, не сахар.

Ненастье да нужда,
И низкая зарплата.
И злобу, как всегда,
Мы сдабриваем матом.

Кто виноватый в том,
Что мы осатанели?..
Идёт на ключ с ведром
Безропотный Савелий.

Пила

Когда в потоке дел заминка,
Я ублажить её готов –
Пилу-кормилицу с щербинкой
Среди сверкающих зубов.

Она крепильщика – шахтёра
Лелеяла день ото дня,
Хоть жизнь брала в крутые шоры
Нерасторопного меня.

Она учила между делом:
Вгрызаться в толщу твёрдых тел,
И одарить меня уделом,
Чтоб не остаться не у дел.

Мы в детстве все любили дураков:
С профанами великовозрастными
Легко было скакать на хворостине,
Отчаянных играя казаков.

Мы сильными могли повелевать.
Дебила-Стёпку вырядить в Адольфа,
И публике уставшей, но довольной
Кромешный суд над фрицем показать.

У, Ироды! Стыдоба-то, какая! –
Крестилась богомолочка седая.
Антихристы! Развернется земля!
Блаженный он, и – бог ему судья!

Не маг, не бог – Победа исцелила,
Казалось бы, пропащего дебила.

И потянулись сверстники к нему...
И кто-то у него на побегушках,
Кого-то Стёпка посадил в тюрьму,
Кого-то просто заточил в психушку.

* * *

Я шалел от восторга,
Кувыркаясь в большущей траве,
И, смакуя, жевал молодую травинку.
А минуту назад,
Был распят я в глубоком шурфе
И огромное небо
Казалось с овчинку.

Я шалел от восторга,
Когда замер, дрожжа, паровоз,
И патлатый мужик
За окошком воскликнул: Рассея!
Потемнело в глазах
От нахлынувших слёз,
А в душе посветлело
От встречи с Россией моею.

И теперь я шалею.
Душевный восторг
Первозданной любви,
Первозданное чудо:
Из каких-то глубин
Добрый ангел исторг
Это чудо под праведным
Именем Люда.

* * *

Над синью таёжной
Белесая дымка
Струится дремучим
Заснеженным логом.
Под кедром могучим
Изба-невидимка –
Забитая снегом,
Забытая богом.

Пустынная келья
Не знает кручины.
Среди первозданных
Сугробов-заносов
Она разговееется
Светом лучины,
Да сочивом сладким
Лесных дикоросов.

Плач-гора

Я вчера спросил буровика,
Хорошо знакомого с тайгой:
– Эта горка с прядью тальника
Отчего зовётся Плач-горою?

Каждая колдобина трясла
Работягу – мощного «Урала»,
Что за тайна горькая легла
У её подножья – пьедестала?

– Мудрствовать лукаво не могу,
Философий тоже не приемлю:
Самоходка траками в логу
Человека затоптала в землю.
Вот и всё, – ответил буровик. –
Наша повседневная работа,
Впрочем, был бесхитростный мужик,
Да себе на горе полоротый.

Выхода из мифа – тупика
Вряд ли я когда-нибудь открою...
Эта горка с прядью тальника
Пусть себе зовётся Плач-горою.

* * *

Я строю домик в Салаире
Венец к венцу, венец к венцу,
Чтоб люди к моему дворцу
Мечтать о жизни приходили.

Рубанком дедовским строгаю,
Не зная сна, не зная сна...
Переживёт меня сосна,
В резных наличниках сверкая.

Бужу своим рабочим стуком
И сон людей, и птичий звон...
Ведь каждый человек рождён,
Чтоб светлый дом оставить внукам!

На покосе

Тело переболело,
Одурь съедена потом.
Здравствуй, новое дело,
Молодая работа!

Сила, матушка сила,
Рви литовочку, рви,
Ты давно не косила
Августовской травы.

Эх, как хочется сдюжить
Весь покос – до победы,
В грязь лицом не ударить
Перед щупленьким дедом.

Деду под девяносто,
Шутит седенький просто:
Ухожу на покос я,
Ухожу от погоста...

* * *

Обмолочены нивы хлебные,
Зреет пряный дух в золотой скирде,
А крестьянское раболепие
Держит норов мой в ременной узде.

Зябко стало мне в дачном промысле,
Дело валится из уставших рук.
Все друзья меня позабросили,
И подруге моей недосуг.

Хата добрая, банька крепкая,
Есть картошечка, и капуста есть,
Бродит в подполе брага терпкая.
Кущи райские – это здесь.

Тяга вечная – ближе к городу,
Ванна теплая да контрастный душ.
А из города – снова в логово
Под неистовый комариный туш.

* * *

В моём цеху грохочет увертюра
Большой поэмы трудового дня,
В строю станков красивая фигура
Присутствием своим томит меня.

И каждый парень, словно заговорщик,
Следит из-под насупленных бровей.
Ну, разве классным станет фрезеровщик,
Когда все мысли улетают к ней?

И плана нет, и качество деталей
Совсем не то (уж коли сам не тот).
Зачем берут красивых на завод?
Скажу начальству, чтоб не принимали.

На Енисее у Красноярской ГЭС

Как знать. Как знать...

Осилит ворон, повернет ли вспять
Воздушную тропу над Енисеем,
Слежу за исключительной затеей.

Как знать, как знать...

Да есть ли в мире что-нибудь под стать
И нором и мощью исполину,
Но человеке выдумал плотину,
Уверенно скомандовал: «Стоять!»

Потомков долго будет чаровать
Державных пихт неведомая рать –
Давно одушевленная природа
Мятежным духом русского народа,
Советская, родная благодать!

Заклинаю, прошу, молю,
Жёлудь – семечко, дай росточек
В благодатном моём краю,
В хлопотливом краю рабочем.

Как я долго из глубины
Руд серебряных и свинцовых
Посох гнул к берегам Невы
И к фонтанам Петродворцовым.

Из глухой голытьбы – нужды,
Беспросветного горя - лиха
Забрести, как домой, в сады,
Затеряться в дубравах тихих.

Мой язык и коряв, и сух
От нахлынувших впечатлений:
В каждом дереве русский дух
И могучий российский гений.

Жёлудь – семечко, прорасти,
В прародителе столько силы,
Да на сотках моих шести
Доброй памятью прорасти
Града Питера и России.

* * *

Я топором взмахну и крикну,
(Мне дело это по зубам)
И годовые кольца кряжу
Пересечёт глубокий шрам.

Крепись, увесистая чурка,
Несокрушимый делай вид.
Трещит игривая печурка,
И банька русская дымит.

Окно обильно запотело,
Вдыхаю, и не надышусь.
Задорно крякая, по телу
Я свежим веником пройдуся.

До одури, молодецкато,
Я исхлещу все мощи всласть,
Водой холодной из ушата
Я обольюсь, перекрестясь.

И тело розово обмякнет,
Иду на воздух, чуть дыша,
А стопку поднесут, и крикнет
Достойно русская душа.

Последнего гвоздя —
Пожизненная хватка,
И крапинки дождя
Сперва как бы украдкой
С лазурной высоты,
Затем напропалую
Испробуют листы
На прочность вековую.
И, тронутый до слез
И месяцем сияя,
На крыше в полный рост
Поднимется хозяин.
Я влезу на конёк,
На смотровое чудо.
Мой главный теремок
В моих мечтах покуда.
А дождь — хороший знак
Небесных канцелярий.
И пенится первак
В ореховом угаре.

У памятника «Царь – плотник»

Притулился я на корточках
Возле плотника царя
По – простецки, по – рабочему,
Тоже плотник – сибиряк.

Не унижен, не обижен я
В непростом моём краю:
Строю я дворцы и хижины
Баньки русские рублю.

Для благого омовения
Нашей русской гольтыбы
И горжусь до умиления
Даром плотницкой судьбы.

Возвожу хорошее жилище
За свои непостные харчи,
Чтоб не задымилось топорище,
Поплую в ладони горячи.

Чтоб оно, граненое мозолью,
Руки торопливые не жгло,
Не с такой уж заскорузлой болью
Ровный кант по брёвнышку вело.

Моложаво, весело, игриво
Вспыхнут грани из-под топора.
Я намедни глупый и счастливый
Гостевал у плотника Петра.

Подждал у Невского причала
Флибустьеров нынешних фрегат.
Дрожь холопа челюсти сковала,
Лишь узрел его державный взгляд.

Только зря сердчишко трепетало,
Кольшек, поставив на попа,
Он тесал, у ног его блистала
Та же запашистая щепка.

Эх, ма!

Стариковское это – эх, ма!
Мне в наследство досталось как сыну.
Мы недавно рубили дома,
А теперь я ему – домовину.

Раскрою на груди верстака,
По своим габаритам прикину
Припасённые в кои века
Из могучего кедра тесины.

Брызнет дерево запахом смол,
Обнажённая летопись брызнет.
В домовину войдёт новосёл
От сумятицы нынешней жизни.

Жми, рубаночек, стружку сымай,
Совершай благородное дело...
Отлюбило навеки, эх, ма!
Эту жизнь его грешное тело.

Шахтёрская идиллия

Я сегодня в каком – то ударе
В восстающих забоях своих:
Словно пахарь на поднятом паре,
Нормы выпахал за двоих.

Мне хотелось цветов и оваций
За весёлый, восторженный труд,
Или к солнышку просто подняться
Раньше всех на пятнадцать минут.

Капли грязные падали с каски
И за шиворот жгуче текли.
Мне хотелось не приторной ласки,
Нежной ласки вечерней земли.

Громыкает во штреке центральном
Столбового хозяина рык.
Обругал и лишил премиальных
Новорусский упитанный бык.

И грозит эта сытая морда,
Что расправится с нами легко.
Для чего проводилась реформа? -
Понимаю под вопли его...

Заработанных потом и кровью
Мне своих премиальных не жаль.
Знаю, солнышко встретит с любовью,
Знаю ветер, развеет печаль.

* * *

Я холю дом в реликтовом бору,
Надежду глупую в душе забавно холю.
Не взятое от жизни – доберу,
Не отданное – выпущу на волю.

Я в этой жизни сам себе с усам:
Нет претенденток – я не претендую
На кошелёк, на милых сердцу дам,
Знай, пью себе водичку ключевую.

Через лужайку звонкая тропа
Бежит к ручью – извечному движенью.
Душа моя, однако, не слаба
К большой любви и жертвоприношенью.

Я кланяюсь, покамест, топору,
Как мудрому языческому деду.
Я холю дом в реликтовом бору
И никуда отсюда не уеду.

Содержание

Баллада про старую шахту	7
«Неуютно душе в остывающем теле...»	8
Нищий	9
Ручей Талда	11
Памяти погибших шахтеров	12
«Работу любую не хаю...»	14
Руки	15
Сирены	16
«Ущелье. Фабрика. И пруд...»	17
«Опахнёт груздёмвым сентябрём...»	18
Советская фазанка.....	19
Подражание Лермонтову	20
«То земельку, то глину, то щебень...»	21
Хозяин шахты	22
Черта.....	23
Шахта «Слепая»	25
«Я не знаю другого ландшафта...»	27
Салаир	28
Рудник	30
«Я пас коров в березняке...»	31
«Мороз и морок в кратере карьера...»	32
Бачатский разрез	33
Мама охраняла нефтебазу	34
На сплаву	35
«Обильные, размашистые вьюги...»	36

Старый плотник	37
Тётя Нюра	39
Черёмуха	42
Большая Толмовая.....	43
«Катакомбы, каменные гроты...»	45
В шахтёрской бане	46
В шурфе	47
Взрывник	48
Горноспасатели	49
«Коль вздохнёт под тобою земля...»	51
Буровая.....	52
«В родном доме...»	53
«Я гражданский мужик...»	55
«Взыграла опять надолго...»	57
Дед.....	58
«Иду проворно, ветер в грудь...»	59
«Королевские харчи...»	61
Печник Якунин.....	63
Санитарная рубка.....	64
«Я татарке построил дом...».....	65
Моя муза	66
«В умирающем городке...»	67
«В апогее кромешного гнуса...».....	68
«Мне бы выстроить храм...»	69
Приходи на стройку	70
Состав.....	71
«Лезхозовский балок...»	72
Пила.....	74
«Мы в детстве все любили дураков...»	75

«Я шалел от восторга...».....	76
«Над синью таёжной...».....	77
Плач-гора	78
«Я строю домик в Салаире...».....	79
На покосе	80
«Обмолочены нивы хлебные...»	81
«В моём цеху грохочет увертюра...»	82
На Енисее у Красноярской ГЭС	83
«Заклинаю, прошу, молю...»	84
«Я топором взмахну и крикну...»	85
«Последнего гвоздя...»	86
У памятника «Царь – плотник»	87
Эх, ма!	89
Шахтёрская идиллия.....	90
«Я холю дом в реликтовом бору...»	92

Литературно-художественное издание

КЛЁСТОВ Дмитрий Петрович

В родном доме

Стихотворения

Редактор Борис Бурмистров
Технический редактор Ирина Корнилова
Дизайн обложки: Анастасия Пузанова
Компьютерная верстка Екатерина Паюсова

Подписано в печать 3.12.2012.
Формат 70х90 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. листов 6. Тираж 250. Заказ № 1011.

Отпечатано в ООО ПК «Офсет».
г. Кемерово, 650001, ул. 40 лет Октября, 1Б.
Тел. (3842) 75-43-89, тел./факс (3842) 34-96-41.

Дмитрий Клёстов родился в 1942 году в селе Евтино Беловского района Кемеровской области. После службы в рядах Советской Армии работал в шахте проходчиком, взрывником, горноспасателем, в геолого-поисковой партии. Печатался в городских и областных газетах, журнале «Огни Кузбасса», антологии «Русской сибирской поэзии».

Книги: «Земная ноша», «Оглянусь с большака», «Иродов лог», «Любо, дорого...», «Избранное», «Улепётывают дни...».

Член Союза писателей России. Живёт в г. Гурьевске.